

1

12 сентября 2019

— Ну, мне пора.

Оливье сидит за кухонным столом, обхватив ладонями чашку с кофе, и смотрит в окно, вдаль, туда, где за зеленью сада, за крышей его мастерской виднеются туманные берега Сены. Он спрашивает, не глядя на меня:

— Это действительно необходимо?

Я медлю с ответом. Потом встаю, одергиваю форменную юбку. Мне не хочется заводить долгий разговор. Только не теперь. Времени мало. Поэтому я ограничиваюсь улыбкой. Впрочем, и он тоже. Он всегда задает важные вопросы именно так.

— Мне нужно быть в Руасси, в терминале 2F, в девять утра. И хорошо бы проехать через Сержи¹.

Оливье молчит, скользит взглядом по изгибам реки, словно хочет оценить ее безупречную красоту, изучает неторопливо, с бесконечным терпением, как фигурную спинку кровати, вычурные линии комода, угол потолочных балок в мансарде под крышей. С тем же пристальным вниманием он всегда смотрит и на меня, когда я выхожу из ванной и укладываюсь в постель. Этот неотрывный взгляд вызывает во мне приятный трепет, позволяет чувствовать себя красивой

¹ Сержи-Понтуаз — новый город в 46,7 км от Парижа, в департаменте Валь д'Уаз.

даже в пятьдесят три года. В его глазах. Только ли в его?

— *Это действительно необходимо?*

Оливье открывает балконную дверь. Я знаю, что будет дальше. Он не торопясь выйдет из дома, чтобы угостить вчерашним хлебом Джеронимо — лебеда, который соорудил гнездо в конце нашей аллеи, на берегу Сены. Он почти ручной, но бдительно охраняет свою территорию, а заодно и нашу, куда надежнее ротвейлера. Кормежка Джеронимо — ежедневный ритуал Оливье. Мой муж любит ритуалы.

Я чувствую, что у него на языке вертится тот же вопрос — тот самый ритуальный вопрос, который он задает всякий раз, как я собираюсь в дорогу:

— *Это действительно необходимо?*

Я давно поняла, что дело не в чувстве юмора Оливье (несколько однообразном) и не в желании узнать, найдется ли у меня пара минут, чтобы выпить кофе перед уходом. Его слова «Это действительно необходимо?» имеют куда более широкий смысл. Они означают: «Тебе действительно необходима эта чертова работа стюардессы, ради которой ты каждый месяц бросаешь нас на две недели и летаешь по свету? Тебе это правда нужно теперь, когда дом уже оплачен, когда девочки выросли и мы ни в чем не нуждаемся? Ты действительно обязана этим заниматься?» Оливье задавал мне этот вопрос сто раз: «Чем эти хижины на Бали, в Андах или в Канаде лучше нашего деревянного дома, который я построил своими руками?» Он неоднократно предлагал мне сменить профессию: «Ты могла бы работать вместе со мной в мастерской — большинство жен ремесленников помогают мужьям. Занялась бы бухгалтерией или стала секретаршей в моем офисе. Все лучше, чем выбрасывать деньги на бестолковых субподрядчиков...»

Я отвлекаюсь от своих мыслей и отвечаю бодрым голосом стюардессы бизнес-класса:

— Ну все, мне пора, не то опоздаю!

И пока Джеронимо лакомится кусочками багета с зерновыми добавками, я слежу за полетом серой цапли, которая парит над старницами Сены. Я знаю, как Оливье не любит дробный стук колесиков моего чемодана по его сосновому паркету. А у меня в душе разгорается скрытый гнев. Да, Оливье, это необходимо! Моя работа — это моя свобода! Ты остаешься, а я улетаю. Ты остаешься, и я возвращаюсь. Ты — это покой, а я — движение. И так продолжается уже тридцать лет. Из коих двадцать семь я ношу обручальное кольцо. Выростила двух дочерей. И вполне успешно, разве нет?!

Я поднимаюсь в спальню за чемоданом. И заранее вздыхаю, но Оливье может пытаться меня с помощью фуганка и дрели, я и тогда не признаюсь, как мне сладостно таскать за собой этот чертов чемодан по всем лестницам, эскалаторам и лифтам нашей планеты. Начиная с десяти ступенек нашего шале. Взбираясь по ним, я мысленно повторяю расписание на текущий месяц — Монреаль, Лос-Анджелес, Джакарта — и заставляю себя не заикливаться на невероятном совпадении, но лента прошлого разматывается в памяти, возвращая меня на двадцать лет назад. Ладно, подумаю об этом позже, когда останусь одна и смогу рассуждать спокойно, когда...

Я натыкаюсь на чемодан и едва не падаю.

Мой комод открыт!

Мой ящик слегка выдвинут!

Не тот, где я храню украшения, не тот, куда складываю шарфы, не тот, что с косметикой.

Ящик с тайнами!

Ящик, который Оливье никогда не открывает, потому что он принадлежит мне одной.

Подхожу ближе. Да, в нем кто-то рылся, это видно с первого взгляда. Все безделушки, все детские письма Лоры и Марго лежат не на своих местах. Засушенные васильки и колосья, собранные на поле моего первого поцелуя, раскрошились в пыль. Розовые телеграммы Оливье: *Скучаю, удачного полета, возвращайся*

скорей, моя воздушная дева! — смяты и разбросаны. Я пытаюсь успокоиться: может, это плод моего воображения, разыгравшегося из-за фантастического совпадения маршрутов — *Монреаль, Лос-Анджелес, Джаккарта*? Может, я сама все смешала в кучу, да и как упомнить, что где лежало раньше, если я много лет не открывала этот ящик?! И мне почти удается себя в этом убедить, как вдруг взгляд привлекает странный блик на паркете, у моих ног. Я наклоняюсь и... не верю своим глазам.

Мой камешек!

Маленький инуитский камешек! Вот он-то уж точно не покидал мой ящик около двадцати лет! Этот камень размером с монету непреложно свидетельствует: кто-то совал нос в мои вещи, притом недавно!

Бормоча ругательства, я засовываю талисман в карман форменного жакета. Я уже не успеваю обсудить происшествие с Оливье. И уж тем более с Марго. Это может подождать. В конце концов, мне нечего скрывать, в этом ящике лежат одни только забытые сувениры, чью историю никто, кроме меня, не знает. Выйдя из спальни, заглядываю в комнату Марго. Моя младшая дочь лежит на кровати, пристроив ноутбук на подушке.

— Я ухожу.

— Мам, купи мне «Чоко Попс», а то я утром все доела.

— Марго, я не в магазин иду, а еду на работу!

— А-а-а... и когда вернешься?

— Завтра вечером.

Марго не спрашивает, куда я лечу, не желает хорошего дня и уж тем более хорошего рейса. Она вообще едва замечает мое отсутствие в доме. И с удивлением взирает на меня, когда утром, перед тем как убежать в лицей, обнаруживает родную мать в кухне, за столом. В этом я тоже не признаюсь Оливье, но перед каждым рейсом меня одолевает ностальгия по тем годам — совсем недавним! — когда Марго и Лора плакали на-

взрыд всякий раз, как я собиралась в дорогу, когда Оливье приходилось силой вырывать их из моих объятий, когда они все дни напролет смотрели в небо, отыскивая там маму, и стерегли мое возвращение, стоя у самого высокого окна на скамеечке, специально сделанной для этого папой. Тогда мне удавалось утешить их, пообещав привезти подарки с другого края света!

* * *

Моя голубая малютка «хонда джаз» едет по голым полям, спаленным огромным рыжим солнцем. Между аэропортом Руасси и нашим шале в Порт-Жуа¹ пролегают сто двадцать километров национального шоссе. По этой магистрали ездят грузовики, которые я давно запретила себе обгонять. Оливье шутливо уверяет, что я быстрее добралась бы по воде, на барже. И он почти прав! Вот уже тридцать лет я езжу по этому шоссе № 14 в любое время дня и ночи, после двенадцатичасовых перелетов и почти стольких же (если не больше) часовых поясов, от которых ломит все тело и гудит голова. Некоторые люди боятся самолетов, я же часто испытывала гораздо больший страх перед этой нескончаемой серой лентой, пересекающей департамент Вексен, чем перед всеми аэродромами планеты, с которых я взлетала и на которые садилась все эти тридцать лет, по три-четыре рейса в месяц. В нынешнем у меня их будет три:

Монреаль, с 12 по 13 сентября 2019

Лос-Анджелес, с 15 по 17 сентября 2019

Джакарта, с 27 по 29 сентября 2019

Передо мной маячит задняя стенка голландского фургона, который старательно придерживается ограничения скорости на данном отрезке шоссе. Чтобы отвлечься, пускаюсь в сложные расчеты — расчеты

¹ Порт-Жуа (фр. *Porte-Joie*) — букв. «Приносящий радость».

вероятностей. Мои последние воспоминания о теории вероятностей восходят к лицу, то есть к нынешнему возрасту Марго, что вряд ли мне поможет. Итак, сколько дальних рейсов, с вылетом из Руасси, предлагает компания *Air France*? Наверно, много сотен. Я беру минимальную цифру и округляю ее до двухсот. Значит, у меня был один шанс из двухсот попасть на рейс в Монреаль. Вообще-то ничего удивительного, с 1999 года я туда летала дважды или трижды. Но какова вероятность объединения Монреаля с Лос-Анджелесом? Даже ничего не соображая в математике, я понимаю, что результат должен равняться примерно двумстам, умноженным на двести. Пытаюсь представить себе это число написанным на сером заднике фургона, который все так же упорно тащится передо мной. Число с четырьмя нулями, то есть один шанс на несколько десятков тысяч... А если добавить третье направление, Джакарту, вероятность возрастает до двухсот раз, помноженных на двести и еще раз на двести. Что дает нам цифру уже с шестью нулями. То есть существует всего один шанс из нескольких миллионов соединить все три рейса в одном месяце! Это кажется совершенно невероятным... однако именно так, черным по белому, написано в моем путевом листе, присланном парнями из отдела графиков полетов... *Монреаль, Лос-Анджелес, Джакарта*... Запланированное тьерсе¹ — с ума сойти можно!

Аккурат перед подъемом на Сен-Клер-сюр-Эпт голландец наконец сворачивает на парковку — видимо, решил позавтракать в придорожном кафе. У моей «хонды» внезапно словно крылья вырастают. Я жму на газ, одновременно продолжая мысленно выстраивать вереницы нулей.

Запланированное тьерсе... Ну что же, один шанс из миллиона — тоже шанс... Тот, на который уповает каждый игрок, помечающий крестиками клеточки

¹ Тьерсе — выигрыш в пари на трех первых лошадей на бегах.

в лотерейном билете. В жизни нет ничего невозможного — только маловероятное. Только случай. Наверно, какой-нибудь бог-шутник разыскал старый фильм из моего прошлого и забавы ради решил его перемотать еще разок. Три направления — те же самые. Те же, что двадцать лет назад:

Монреаль, с 28 по 29 сентября 1999
Лос-Анджелес, с 6 по 8 октября 1999
Джакарта, с 18 по 20 октября 1999

Я прибавляю звук радио, словно хочу заглушить яркие образы, которые настойчиво, как я их ни отгоняю, возникают у меня в мозгу. Какой-то рэпер вопит по-английски, оглохнуть можно. Я проклинаю Марго — опять она ездила на моей «хонде» с инструктором по вождению! — и кручу ручку до тех пор, пока не удастся поймать мало-мальски мелодичную музыку.

Ностальгия.

*Let It Be*¹.

Я едва не задохнулась, услышав ее.

Нули у меня в голове закручиваются в смерч, потом складываются в длинную цепочку, которая удавкой стягивает мысли. Сколько шансов из скольких миллионов нужно, чтобы наткнуться именно на эту песню?

Какого бога-шутника мне довелось разбудить?

*When I find myself in times of trouble...*²

Внезапно на глазах вскипают слезы, я уже готова остановиться на обочине и включить «аварийку», но тут на приборной панели начинает вибрировать мой смартфон. *Мама Нати, на помощь...*

Это звонит Лора.

— Мама, ты что, за рулем? Можешь говорить?

¹ «Пусть будет так» (*англ.*) — песня «Битлз» (П. Маккартни, 1969).

² Когда в жизни мне бывает трудно (*англ.*).